

Ловушка для пилигрима

СЕРГЕЙ МОГИЛЕВЦЕВ

Сергей Могилевцев

Ловушка для пилигрима

«Accent Graphics communications»

2016

Могилевцев С.

Ловушка для пилигрима / С. Могилевцев — «Accent Graphics communications», 2016

Герой антиутопии, писатель Пилигрим, живет в некоем закрывшемся городе, где время остановилось, и все стали бессмертными. Однако на поверку это оказывается далеко не так. Все герои и события романа вымышлены, любые совпадения с реальностью случайны.

© Могилевцев С., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	16
5	21
6	27
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Могилевцев

Ловушка для пилигрима

Роман-антиутопия

1

В это утро Пилигрим понял, что ему уже не спастись. По телевизору как раз показывали проповедь матроны Слезоточивой из церкви Всех Обретенных Надежд, лицо которой занимало весь экран, так что видны были толстые, свисающие вниз складки на обеих щеках, маленькие, заплывшие жиром глазки, и пухлые сытые губы, вещающие непреходящие истины, известные матроне в самых мельчайших подробностях. Матрона всегда вещала по воскресеньям, призывая жителей города покаяться, и объясняя, почему церковь Всех Обретенных Надежд наиболее истинная по сравнению со всеми другими церквями, существовавшими в городе до нее. Сладкие, сложенные бантиком губы матроны раскрывались в такт ее приторным речам, обнажая ряд гнилых зубов старой прожженной ведьмы, и Пилигрим неожиданно подумал, что у матушки Слезоточивой было в жизни, несомненно, всего два выхода: или сгореть на костре за все совершенные в жизни мерзости и непотребства, или стать вещателем вечных, они же вновь обретенные, истин, которому автоматически списываются все его бывшие грехи. Пилигрим знал, что долго слушать Слезоточивую он не может, потому что его обязательно начнет тошнить от ее слишком задушевных, и слишком приторных слов, и тогда придется бежать в туалет, наклонять голову над унитазом, и сидеть там какое-то время, давясь недавно съеденным завтраком, а потом долго приходиться в себя, теряя драгоценное утреннее время. Поэтому он просто приглушил звук на пятнадцать минут, и делал свои дела, стараясь не смотреть на экран, а когда вновь включил громкость, матушки Слезоточивой в телевизоре уже не было. Там был репортаж о сносе очередной неправильной церкви, которых в городе было чересчур много, но – хвала отцам – основателям новой религии! – скоро с ними будет покончено. Сейчас на экране экскаватор как раз проламывал купол небольшой католической часовни, в которой много лет находилась молочная кухня, и которую решением городского Совета все же решено было снести. Пилигрим знал, что когда-то сам, будучи младенцем, сосал через соску молоко из бутылочки, наполненной в этой молочной кухне, а потом, когда женился, ходил сюда за детским питанием для своей дочери. Впрочем, это все было так давно, и его собственное младенчество, и младенчество его дочери, и женитьба, что он сдержался, и не заплакал, хотя ему очень и хотелось этого. Тут как раз кстати экскаватор проломил окончательно купол часовни, так что стали видны внутри на стенах бледные фрески, написанные лет сто, или двести назад по сырой штукатурке неизвестным художником, и репортаж о сносе ненужного городу здания завершился. Пилигрим выключил телевизор, и подумал, что раз сейчас воскресенье, то неплохо было сходить на набережную, и принять участие во всеобщих гуляниях, показав этим, что он вовсе не сидит целыми днями дома, и не является опасным элементом, замышляющим в тиши заговоры, свержение законных властей, минирование жизненно важных зданий, и тому подобные чудовищные преступления. И что, более того, поскольку такие мысли ему постоянно приходили в голову, и об этом наверняка кое-кто догадывался, необходимо не просто принять участие в воскресных гуляниях, но и обязательно познакомиться с Прекрасной Дамой, как это делают обычно по воскресеньям добропорядочные горожане. А также горожанки, знакомящиеся по воскресеньям с Достойными Мужчинами. При мысли о Прекрасной Даме, с которой ему обязательно придется знакомиться на набережной, он сразу же порядком струхнул, но тут же подавил в себе это чувство, сказав сам себе, что это, возможно, его последняя надежда легали-

зоваться, и не попасть в черный список, выбраться из которого будет потом уже невозможно. Одновременно с этим каким-то краешком подсознания он окончательно понял, что погиб уже безвозвратно, и шансов у него нет никаких, даже если он и встретит свою Прекрасную Даму, но поскольку без дела сидеть тоже было нельзя, он все же заставил себя одеться, и выйти на улицу.

Добираться до набережной необходимо было через центр города, и здесь уже никак нельзя было обойти вновь отстроенный храм, в котором, судя по всему, еще продолжалась воскресная служба. Рядом с храмом на ветвях деревьев висели большие железные клетки с выпачканными в смоле безбожниками, молчаливо глядящими давно уже выплаканными глазами на прохожих, и сквозь них, словно прося милостыню у людей и у вечности. Многие из них были Пилигриму знакомы, более того, некоторые из этих грешников были когда-то его друзьями, и он вдруг подумал, что если сейчас не зайдет в храм, и не простоят там хотя бы несколько минут, его шансы повиснуть на дереве в точно такой же клетке вырастут многократно. У входа в храм на паперти, как обычно, толпились юродивые, кривляясь, протягивая руки, и повторяя почти слово в слово то же самое, что говорила сегодня по телевизору матрона Слезоточивая. Ничего не оставалось, как сунуть им в ладони какую-то мелочь, найденную в карманах, и услышать в ответ слова благодарности, с прибавлением о том, что Господь Всех Обретших Надежду его теперь не забудет. В храме к этому времени было уже не много народу, и Пилигрим успел прослушать заключительный этап воскресной проповеди, из которой почему-то запомнил следующее:

«Потому мы и являемся частью церкви Всех Обретенных Надежд, что надежды наши, бывшие когда-то всего лишь мечтами, стали отныне явью. Стали явью в этом прекрасном городе на берегу необъятного моря, которое одновременно является и морем нашей надежды. Которое омывает берег надежды, на котором нашли мы все свой вечный приют. Нашли грешники и праведники, посвященные в высшие тайны, и последние нищие, с утра до вечера сидящие на паперти этого храма. Ибо это не просто храм во имя распятого на кресте Бога, называемого Иисусом, или Бога невидимого, носящего имя Аллаха, или даже Бога евреев, которого они называют Иеговой. Нет, это не прошлые смешные боги, не умеющие помочь человеку при жизни, это новый, неизвестный и невиданный ранее Бог, называемый нами Богом Всех Обретенных Надежд. Бог, который помогает при жизни, а не в загробном царстве, и на которого мы можем положиться здесь и сейчас, как на плечо надежного друга. Бог, который подарил нам вечность и счастье в этом чудесном городе, ставшем городом всех наших заветных надежд.»

Кажется, в храме говорилось еще что-то, а Пилигриму от запаха горящих свечей и ладана, к которому почему-то примешивался стойкий запах лаванды, неожиданно стало дурно, и он, чтобы не упасть в обморок, был вынужден срочно выйти на улицу. Разумеется, этот его поспешный уход из храма, до окончания проповеди, не остался незамеченным, и когда придет время, уход этот ему непременно припомнят. «Ну и черт с ними, – думал Пилигрим, продираясь в обратную сторону мимо молящихся в храме с полужакрытыми, а то и выпученными от усердия глазами, и толпу юродивых на ступенях, – ну и черт с ними, пусть фиксируют все, они на это дьявольские мастера, а я, если сейчас не выйду на воздух, элементарно грохнусь в обморок посреди всех этих не то фарисеев, не то блаженных!» Благополучно выйдя на улицу, и взглянув-таки мельком, хоть и не хотелось ему этого делать, на лица висящих напротив грешников, один из которых вдруг неожиданно ловко ему подмигнул, – выбравшись на волю, и обогнув со стороны здание храма, находившееся на холме, он стал торопливо спускаться вниз, заранее предвкушая встречу с морем, при виде которого всегда почему-то начинал волноваться. С морем всех наших надежд, омывающим берег всех наших надежд, если верить словам настоя-

теля храма, или узкую полоску нашей разбившейся жизни, с выброшенным на мокрые и острые камни кораблем нашей несбывшейся жизни, если верить остекленевшим, и не выклеванным еще птицами глазам грешников, висящих на деревьях в своих страшных клетках.

Благополучно спустившись с холма, он повернул затем направо, и пошел уже совсем прямой дорогой, ведущей к набережной и к морю, близость которого с каждым шагом ощущалась все больше и больше. Набережная, как и всегда по воскресеньям, была уже заполнена прогуливающимися туда и сюда Прекрасными Дамам и Достойными Мужчинами. Во все стороны летали улыбки, призывные взгляды, откровенные жесты и недвусмысленные телодвижения. Почтенные матроны держали за руки одетых в штанишки, платьица и матросские бескозырки детей, посередине в сквере бил в небо фонтан из пасти огромного осетра, которого прижимал к себе мускулистый, и одновременно женоподобный юноша, а рядом с фонтаном, окруженный толпой слушателей, играл духовой оркестр местной пожарной команды. Вальсы Штрауса взмывали в бездонную голубизну майского неба, и улетучивались, растворившись в прозрачной и невесомой дымке. Пилигрим старался не смотреть на лица проплывавших мимо него людей, чтобы случайно не встретиться взглядом с какой-нибудь Прекрасной Дамой, после чего, разумеется, согласно правилам, он должен был ответить ей точно таким же призывным взглядом, а также не менее призывной улыбкой. Однако сделать это было не так-то просто, поскольку его время от времени окликали немногие оставшиеся в городе знакомые, и он был вынужден с ними здороваться, и, кроме того, нельзя было постоянно смотреть под ноги без того, чтобы на кого-нибудь не наткнуться. После того, как он – таки наскочил с разбегу на какую-то матрону, – о ужас, это оказалась сама матушка Слезоточивая, прогуливающаяся в обществе двух или трех тощих желтолицых девиц! – после того, как он – таки чуть не сбил с ног почтенную матрону Слезоточивую, и долго, используя весь свой словарный запас, извинялся перед ней, – извинения были с кислой физиономией приняты, – он был вынужден все же смотреть не под ноги, а прямо перед собой, и, естественно, тут же увидел впереди неотразимую Прекрасную Даму. Собственно говоря, он не мог бы точно ответить на вопрос, почему именно эта Прекрасная Дама была неотразимой, и почему таковыми не были прогуливающиеся в стороне другие Прекрасные Дамы? «Все вы, сучки, одинаковы, и просто ищите развлечений на ночь, – громко сказал ему в ухо какой-то внутренний голос, – и, не будь это предписано правилами, ты бы вполне обошелся припрятанной в шкафу резиновой куклой, которой, по крайней мере, не надо объясняться в любви, и с которой вообще не обязательно ни о чем разговаривать!» Но, разумеется, вслух этого Пилигрим не сказал, да и не мог сказать неотвратимо приближающейся к нему той самой Прекрасной Даме, с висящей на груди у нее табличкой, извещающей, что она свободна, и готова по полной программе осчастливить Достойного Мужчину.

– А где же ваша табличка? – спросила она, улыбаясь ярко накрашенным ртом, и поднося к его лицу свои густо напудренные щеки.

– Извините, не успел надеть на себя, – начал суетливо оправдываться Пилигрим, вытаскивая из бокового кармана точно такую же табличку на тонкой красивой веревочке, и судорожно водружая ее на себя. – В спешке часто забываешь о самых разнообразных вещах, особенно о таких, которые необходимы для общения, и предписаны общими правилами. Но вы не волнуйтесь, я все исправлю, и больше такого, разумеется, не повторится!

– Разумеется, – ответила ему Прекрасная Дама, – ведь мы нашли друг друга, не так ли, и будем теперь вместе до завтрашнего утра?!

– Да, да, – торопливо ответил ей Пилигрим, – конечно же, до завтрашнего утра, ведь мы имеем теперь на это полное право!

– Разумеется, – еще раз рассудительно сказала Прекрасная Дама, – ведь согласно правилам, мы нашли друг друга во время всеобщих гуляний, и имеем теперь право на капельку счастья, которую у нас никто не вправе отнять! Вы не возражаете, если я возьму вас под руку?

Пилигрим, разумеется, не возражал. Прекрасная Дама подхватила его под руку, и они несколько раз, демонстрируя всем окружающим свое внезапно обретенное счастье, продефилировали по набережной туда и сюда, кивая небрежно каким-то знакомым, в том числе, разумеется, и матроне Слезоточивой в окружении все тех же тощих желтолицых девиц, которых, несмотря на то, что у них тоже висели на груди таблички Прекрасных Дам, никто почему-то сегодня не осчастливил.

– Они слишком тощие, – сказала Пилигриму Прекрасная Дама, цепко держась за его руку, и прижимаясь всем своим упругим, и вполне еще молодым телом.

– Да, – сказал в ответ Пилигрим.

– И желтолицые. Это все от диеты, на которой держит их матушка Слезоточивая.

– Но сама-то она не тощая, и не желтолицая, – почему-то возразил ей Пилигрим.

– Это оттого, что она хорошо питается, – ответила ему Прекрасная Дама. – Жрет, стерва, все подряд, и хлещет вино по ночам из церковных запасов, вот и откормила сама себя, как убойная свиноматка!

– Какая свиноматка? – испуганно спросил Пилигрим?

– Убойная, – ответила со знанием дела Прекрасная Дама, – то есть та, которую скоро поведут на убой. Впрочем, я бы лично мясом этой старухи питаться не стала, оно наверняка тухлое, и, разумеется, воняет, как не знаю, что!

– Как последняя падаль! – опять неожиданно для себя уточнил Пилигрим.

– Вот именно, как последняя падаль! – радостно засмеялась Прекрасная Дама. – Впрочем, что это мы все о неприятном, и неприятном, не угостите ли меня лимонадом, мы прогуливаемся с вами здесь не менее часа, а вы еще не предложили мне прохладительное и пирожные!

– Да, да, – засуетился Пилигрим, – я знаю, что, согласно правилам, Прекрасной Даме необходимо предлагать прохладительное и пирожные.

– Да ну их к черту, эти ваши скучные правила, – засмеялась в ответ Прекрасная Дама, – просто напоите свою даму лимонадом, если у вас водятся деньги, а если нет, я сама угощу вас глотком портвейна!

Пилигрим впервые посмотрел ей прямо в глаза, и вдруг подумал, что она действительно молода, во всяком случае, не очень стара, лучше, во всяком случае, чем его резиновая кукла, засунутая до следующей ночи не то в шкаф, не то под кровать, которую он давно уже, хоть и безуспешно, искренне ненавидел. На Прекрасной Даме было легкое ситцевое платье в крупный горошек, и Пилигрим вдруг вспомнил, что бездну лет назад в такое же точно платье, с точно таким же крупным черным горошком, была одета его жена, с которой они точно так же прогуливались по этой же самой набережной. Все возвращается, подумал он, все возвращается не то на круги своя, не то на какие-то другие чертовы круги, квадраты, или эллипсы, эту штуку судьбу не так-то легко понять и осмыслить! Если вообще ее стоит понимать и осмысливать во избежание длительного, а то и пожизненного сумасшествия. Он подвел поразительно напоминающую ему кого-то из забытого прошлого Прекрасную Даму к столику, за которым подавали лимонад и пирожные, и попросил для нее полный пенный стаканчик.

– А сам портвейна не выпьешь? – спросила счастливая, судя по всему, и, самое главное, счастливая вполне искренне, Прекрасная Дама.

– Боюсь опьянеть, – сказал ей Пилигрим, – давно не пил на улице в такой солнечный день, а нам еще подниматься на горку.

– На мою горку, или на твою? – спросила у него Прекрасная Дама.

– Лучше на мою, – ответил он ей, – с моей легче спускаться.

– Заметано, – весело сказала Прекрасная Дама, – но бутылочку портвейна мы с собой все же захватим!

– Разумеется, – ответил он ей, – как же обойтись без бутылки портвейна?!

Уже в темноте, у себя дома, обнимая ее за плечи, и вдыхая поразительный, давно забытый, и сводящий с ума запах молодой женщины, которая довольна уже тем, что она еще жива, и что смогла законно прогуляться по набережной, получив свою, разрешенную законом, абсолютно легальную капельку счастья, – вдыхая одуряющий и божественный запах женщины, он спросил: «Как твое имя?»

– Ребекка, ответила она, прижимаясь к нему всем телом.

2

– Чем ты занимаешься? – спросила Ребекка, ходя утром по квартире в рубашке Пилигрима, и разглядывая разбросанные по квартире вещи. – Судя по беспорядку, который у тебя здесь царит, ты скорее человек творческий, чем простой обыватель.

– Судя по твоему вопросу, ты тоже скорее натура творческая, чем просто Прекрасная Дама.

– Все мое творчество сводится к прогулкам по набережной в облике Прекрасной Дамы, и в осчастливливании очередного претендента на право провести со мной ночь.

– Но ты же знаешь, что таковы общие правила, и отменить их мы не в силах!

– А ты бы хотел их отменить?

– Не знаю, скорее нет. После сегодняшней ночи скорее нет, чем да.

– Тебе было хорошо со мной?

– Я уже давно забыл, что значит провести ночь с женщиной.

– Если хочешь, я останусь здесь еще на несколько дней.

– А как же общие правила, ведь ты должна, как и другие женщины в городе, каждое воскресенье гулять по набережной в облике Прекрасной Дамы!

– До воскресенья еще далеко. Так ты хотел бы, чтобы я здесь осталась?

– Я же сказал, что скорее хотел бы, чем не хотел. Но ты не выдержишь здесь слишком долго, мой образ жизни обязательно сведет тебя с ума.

– Почему?

– Видишь ли, я мизантроп, и во всем обязательно ищу лишь негативную сторону проблемы. Я постоянно во всем сомневаюсь, с раннего утра, и до позднего вечера. Конечно, я бы хотел, чтобы ты здесь осталась, но мои сомнения могут свети тебя с ума.

– И в чем же ты сомневаешься?

– Да во всем, буквально во всем: необходимо ли женщинам продавать себя по воскресеньям, гуляя по набережной в облике Прекрасных Дам? Не смешно ли то же самое делать мужчинам, играя роль достойных и добропорядочных граждан, даже если они в душе все сплошные мерзавцы? Откуда вообще взялись все эти смешные законы, и кто их впервые придумал? Почему разрушаются церкви, и откуда взялась новая вера, во имя которой построен в центре города храм?

– Ты действительно задаешь себе все эти вопросы?

– Конечно, я задаю их себе с утра и до вечера, и даже больше того, я спрашиваю себя: а что же это за город, в котором мы все живем, и не существует ли за его пределами иной мир, о существовании которого мы даже не догадываемся сейчас?

– Ты думаешь, что за пределами этого города существует какой-то иной мир?

– Я полностью в этом не уверен, но думаю, что там должно что-то существовать обязательно!

– Но за пределами нашего города пустыня, там ничего нет, и туда запрещено всем заходить!

– Да, я знаю, под страхом смерти, особенно смерти позорной, когда человека измазывают в смоле, и вешают на дерево в железной клетке в назидание всем остальным!

– Ты думаешь, что эти несчастные искали выход из этого города?

– Что-то они искали определенно, если и не выход из города, то какой-то другой выход искали наверняка! Во всяком случае, они задавали себе вопросы, и я подозреваю, что многие из этих вопросов похожи на те, что задаю себе я каждое утро.

– И носишься с ними потом целый день?

– И ношусь с ними потом целый день!

- С таким образом мыслей и с таким настроением ты не долго останешься на свободе!
- Я тоже так думаю, и поэтому не советую тебе связываться со мной.
- Даже если тебе этого и очень хочется?
- Даже если мне этого и очень хочется!
- Она подошла к нему вплотную, и погладила по щеке.
- В таком случае, я останусь здесь до следующего воскресенья.
- А что ты будешь делать, когда наступит следующее воскресенье?
- Мы пойдем с тобой на набережную, каждый своей дорогой, и случайно столкнемся там, как будто увидели друг друга впервые. И каждое воскресенье будем повторять это снова и снова, пока не состаримся, и в конце концов не умрем.
- Ты же знаешь, что в этом городе не умирают, что здесь смерти не существует, и люди живут вечно, довольные собой и всем, что их окружает!
- А как же тогда казни, во время которых людей убивают?
- Я сам иногда спрашиваю себя, куда же деть казни, на которых преступников убивают, если смерти не существует, и все мы живем вечно?
- Ты слишком много задаешь ненужных вопросов, неужели ты не можешь просто жить, и радоваться жизни?
- К сожалению, не могу.
- Возьми пример с меня: я еврейка, и принимаю жизнь такой, какая она есть, тысячи поколений моих предков научили меня этому!
- Вот видишь, раз есть предки, значит, существовала какая-то история, предшествовавшая истории этого города!
- Конечно, история есть у всех, и у городов, и у людей, но, к сожалению, очень многие забыли свои истории. Я, например, не помню, кем была в прошлой жизни, мне кажется, что я целую вечность только и делала, что гуляла по набережной в облике Прекрасной Дамы. А ты, кем ты был в прошлой жизни?
- Мне кажется, что я уже когда-то жил в этом городе, только это было очень давно, действительно в другой жизни, от которой уже ничего не осталось.
- И чем ты занимался в этой другой жизни?
- Мне кажется, что я был писателем.
- Ты был писателем?
- Да, я уверен в этом, я был писателем, и с утра до вечера писал свои книги.
- Ты был детским писателем, или взрослым?
- Мне кажется, что я вообще был писателем, не детским, и не взрослым, а писателем по призванию, и по зову души, который пишет потому, что не писать он не может.
- И у тебя была семья в этом городе?
- Да, жена и дочь. Но потом все это исчезло.
- А чем занималась твоя жена?
- Она была учительницей в местной школе.
- Как странно, – сказала Ребекка, – я тоже иногда думаю, что в прошлой жизни была учительницей, и тоже жила в этом городе. До того, как здесь все изменилось, и все мы стали жить вечно, отгороженные от остального мира и от наших воспоминаний какой-то страшной стеной.
- Ты думаешь, что прошлый мир отгорожен от этого мира какой-то страшной стеной?
- Прошлый мир, или этот новый прекрасный мир, – какая разница, кто от кого отгорожен, но оба они определенно отгородились один от другого.
- Для женщины это очень умное наблюдение.

– А я ведь не просто женщина, я еще и еврейка, и, думаю, в моем роду обязательно были два, или три философа, с утра и до вечера предающиеся размышлениям о смысле всего сущего. Мне кажется, что я унаследовала от них эту особенность.

– Ты больше нравишься мне, когда не рассуждаешь о философских проблемах, а играешь роль Прекрасной Дамы.

– Ты хочешь, чтобы я опять сыграла для тебя эту роль?

– Мне бы очень хотелось этого.

– Скажи, а отчего тебя зовут Пилигримом?

– Не знаю. Вероятно оттого, что я вообще склонен к путешествиям, и к бесконечным скитаниям. По странам и городам, а иногда по собственным воспоминаниям.

– У тебя есть собственные воспоминания?

– К сожалению, есть. Воспоминания, или сны, я не знаю, что из них реальнее, и как их отличить один от другого. Но воспоминаний у меня очень много, и они преследуют меня днем и ночью. Особенно ночью, когда остаешься один, и уже ничего не мешает им вторгаться в мою беззащитную душу.

– И тогда ты начинаешь путешествовать по долинам и холмам своих странных воспоминаний?

– И тогда я начинаю путешествовать по долинам и холмам своих странных воспоминаний.

– И очень часто тебе такие путешествия нравятся?

– И очень часто мне такие путешествия нравятся.

– И поэтому тебя зовут Пилигримом?

– И поэтому меня зовут Пилигримом.

3

Ребекка ушла на рынок за продуктами, захватив с собой плетеную корзинку, давно уже валявшуюся в кладовке, чем очень насмешила Пилигрима, считавшего эту корзинку рухлядью, с которой он не расставался лишь из каких-то смешных сентиментальных предрассудков. Как только за ней закрылась дверь, Пилигрим тотчас же бросился к шкафу, и вытащил из него ненавистную ему резиновую куклу, которую уже давно намеревался предать лютой казни, и все время откладывал это, питая к ней странные, во многом запретные чувства. Кукла была его тайной, запретной, и необыкновенно постыдной (разумеется, постыдной!) привязанностью, у нее было свое собственное имя, которое он теперь даже не решился произнести вслух, боясь, что после этого не сможет расправиться с этой длинноногой и голубоглазой, в человеческий рост, резиновой женщиной, в чьи рыжие роскошные волосы не раз по ночам погружал свое заплаканное и разгоряченное лицо, шепча ей слова благодарности и любви. Но медлить было нельзя! Ребекка не должна была видеть этот резиновый и постыдный манекен, созданный для забавы таких неудачников и одиночек, как он, постоянно во всем сомневающийся, и потому довольствующийся суррогатом вместо здоровой и доступной для всех пищи. Он бросился в кухню, схватил там огромный, недавно наточенный нож, очевидно, мясницкий, неизвестно как попавший к нему, и, вернувшись в комнату, остановился напротив резиновой женщины, подняв нож высоко над головой. После, зажмурившись, он вонзил нож в оказавшееся необыкновенно податливым и мягким резиновое тело куклы, и пробил его насквозь, успев увидеть удивленные голубые глаза недавней своей любовницы и поверенной всех тайн и снов. А после, уже не останавливаясь ни на секунду, он поднимал автоматически свой страшный мясницкий тесак к потолку, и наносил по резиновой женщине один удар за другим: по лицу, по ногам, по животу, по двум упругим, выпирающим вперед грудям, которые он так любил целовать еще недавно, – пока не изрубил и не изрезал ее вдоль и поперек, так что на полу теперь лежала жалкая и нелепая куча резины, годная разве на то, чтобы выбросить ее на помойку. Резиновая кукла, надо отдать ей должное, не издала во время экзекуции ни звука. Вот так, наверное, подумал неожиданно Пилигрим, насильники и извращенцы расправляются со своими жертвами, предварительно сполна насладившись их любовью. Он аккуратно собрал в пластмассовый пакет жалкий прах своей бывшей пассии, и вынес его во двор, бросив в мусорный бак. К этому времени как раз вернулась с рынка Ребекка, неся нагруженную до верха корзинку.

– Все в порядке? – спросила она у Пилигрима, внимательно оглядывая его и всю комнату. – У тебя такой вид, будто ты только что сражался с целой армией демонов.

– Возможно, что это недалеко от истины, – ответил ей Пилигрим. – Кстати, не догадалась ли ты купить по дороге какую-нибудь городскую газету?

– Представь себе, догадалась, – ответила ему Ребекка, вынимая из корзинки экземпляр «Утреннего курьера». – Странная привычка ходить по утрам на рынок, и покупать на обратной дороге в киоске газету. Мне кажется, что это память о прошлой жизни, в которой я была замужем, и приносила мужу свежую прессу, после чего он уединялся до вечера, и вспоминал обо мне только лишь ночью.

– Мне кажется, – со смехом сказал Пилигрим, – что если ты останешься у меня, тебя ждет точно такая же участь.

Он взял из рук Ребекки «Утренний курьер», развернул его, и стал небрежно просматривать. В редакторской колонке сообщалось об общем положительном настроении в городе, об одобрении решений городского Совета, который, не жалея сил, выдвигает все новые и новые полезные инициативы. Среди новых инициатив была идея расширения набережной, ставшей с некоторых пор местом общения горожан, которые, отбросив старый институт семьи, создают теперь семьи на одну ночь, семьи на час, или даже на одну минуту, – это уж как кому нра-

вится! Также восхвалялась идея о постройке новой тюрьмы, поскольку старая, построенная в незапамятные времена, оказалась чересчур тесной, и не вмещала всех новых жильцов. Одобрялась редактором и реконструкция Лобного Места, которая предусматривала его покраску, желательно в красный цвет, со временем изрядно полинявший, и украшение по периметру новым орнаментом из гипсовых лилий, роз и нарциссов. Какой-то корреспондент в отдельной статье захлеб описывал гуляния на набережной в прошедшее воскресенье, и сотни новых Прекрасных Дам, нашедших там своих Достойных Мужчин. Здесь же в отдельной колонке, посвященной вопросам религии, матушка Слезоточивая призывала жителей города больше времени отдавать покаянию, а так же размышлениям о смысле новой религии, которая, хоть и заменила собой религии прошлые, но в должной мере еще не дошла до ума и сердца каждого благочестивого человека. Где-то на последней странице мелким шрифтом сообщалось, что продолжается снос городской синагоги, в которой долгие годы находился кинотеатр, а теперь на освободившемся месте построят Дворец Правосудия.

Прочитав эту заметку, Пилигрим неожиданно вспомнил, как много лет назад, в другой жизни, они с женой пошли в этот кинотеатр на ночной сеанс. Они недавно приехали в город после учебы в столице, и снимали на тихой и зеленой улице квартиру в полуподвальном этаже, где жили вдвоем, вместе с недавно родившейся дочерью. В этот вечер за уснувшим уже ребенком должны были присматривать соседи, а они, покинув свой полуподвал, погрузились в волшебство и тишину влажной июльской ночи. Собственно говоря, тратить такие драгоценные часы на просмотр фильма в душном кинотеатре, вместо того чтобы гулять в парке, или у берега моря, было необыкновенно глупо, но ему очень хотелось посмотреть эту картину, снятую по роману зарубежного классика, который он недавно читал. К герою фильма, довольно известному композитору, подсаживается в машину девушка, которую он до этого мельком видел в баре. Он, хоть поначалу и не желал этого, отвозит ее к себе домой, и она остается у него на ночь. Между ними не было близости, он просто ее пожалел, и наутро хотел отправить домой. Но неожиданно выясняется, что у девушки нет своего дома, что она живет в психиатрической лечебнице, поскольку в некотором смысле душевнобольная. Композитор, по природе своей циник и эгоист, привязывается к этой душевнобольной девушке, оставляет ее у себя, и даже помогает ей устроиться на работу переписчицей нот в музыкальном издательстве. Он несколько раз встречается с ее лечащим врачом, женщиной, которая, в частности, в одном из разговоров упоминает о том, что Доротея (имя девушки) умеет летать, и что этого не следует бояться, поскольку надо просто преодолеть барьер. Антоний (имя героя) сначала не понимает, что значит преодолеть барьер, да и об умении Доротеи летать думает, как об очередном обострении ее психической болезни. Однако время идет, и он привязывается к ней все больше и больше, и в итоге это, как и следовало ожидать, оканчивается физической близостью. А дальше Доротея попросту взлетает с ним в небо, и он некоторое время парит с ней над землей, испытывая чувства необыкновенной эйфории и необыкновенного блаженства, которые он не испытывал никогда в жизни. Он просто преодолел психологический барьер, поверил в возможность Доротеи летать, а также в свою возможность летать вместе с ней. Но после этого чудесного и необыкновенного полета Антония охватывает чувство отчаяния. Преодоление барьера разрушает все его установившиеся привычки, перечеркивает всю его прошедшую жизнь, делает ее нелепой, ненужной и мелкой. Но одновременно этот преодоленный барьер открывает ему дверь в жизнь совершенно другую, наполненную высоким смыслом, высокими идеалами, и высокой любовью. Но Антоний не готов к этой новой жизни. С него достаточно одного полета над землей в объятиях Доротеи, с него достаточно одного преодоления барьера, больше летать над землей он не хочет. Ему выгодней считать Доротею сумасшедшей, ибо это не заставляет его круто менять всю свою прошедшую жизнь, и преодолевать барьер, прилагая для этого большое усилие. Он больше не верит в возможность Доротеи летать, не верит в то, что он летал вместе с ней, и считает происшедшее неким внушением, вроде гипноза, и даже неким

собственным временным помешательством. Доротея же вполне естественно воспринимает это, как предательство со стороны Антония. В его отсутствие она в последний раз поднимается в небо, но, чувствуя его неверие и остро переживая предательство любимого, падает с большой высоты на землю, и погибает. А Антоний, неожиданно понявший, что погибла она по его вине, что это его нежелание перейти невидимый барьер убило ее, необыкновенно страдает, и живет с этим всю жизнь. На этом роман заканчивался, и точно так же, трагически безнадежно, заканчивался фильм, который они с женой смотрели душной июньской ночью в кинотеатре, расположенном в бывшем здании синагоги. После просмотра они, оба взволнованные, пошли сразу же домой, волнуясь за ребенка, хотя южная ночь и манила их тысячами своих прелестей и соблазнов, и большую часть дороги молчали. Вернее, жена непрерывно что-то говорила ему, но он не понимал, что именно, так как был потрясен тем, что только что увидел во время ночного киносеанса. Он был молодым писателем, всего лишь год или два пробовавшим свои силы в литературе, и у него уже даже были первые публикации. Странная похожесть того, что происходило и в романе, и в фильме, с его собственной жизнью, в которой тоже не хватало веры в близкого человека, странно поразила его. Он был во власти необыкновенных страстей и эмоций, в его голове одни за другими рождались необыкновенные планы и фантастические сюжеты безумных книг, и он был переполнен ими до краев, чувствуя благодарность и к жене, и к писателю, написавшему этот чудный роман, и к создателям фильма, и вообще ко всему миру.

– О чем ты думаешь сейчас? – спросила у него жена.

– О тебе, – ответил он ей.

Они пришли домой, где, разумеется, все было спокойно, ибо ребенок мирно спал в своей колыбели, а рядом, в кресле, дремала присматривающая за ним соседка. Отпустив ее, они открыли холодильник, вынули из него бутылку вина, и медленно пили вино на лоджии до самого утра, вдыхая запахи цветущих напротив них роз, зеленого лавра и ленкоранской акации. А на рассвете уснули в объятиях друг друга.

– О чем ты думаешь сейчас? – спросила у него Ребекка.

– О тебе, – ответил он ей. – И еще о городской синагоге, которую никак не могут сломать, поскольку она очень крепко построена.

– Мои предки строили на века, – сказала ему Ребекка. – Как было бы хорошо не дать им снести этот храм.

– Этот снос одобрен городским Советом, – ответил ей Пилигрим, – и единственное, что мы можем сделать, это пойти посмотреть, как его сносят, соблюдая, разумеется, необходимую осторожность.

– Что ты имеешь в виду?

– Наши лица должны светиться счастьем и радостью, и на них должно быть написано одобрение происходящему. Ты ведь знаешь, что вокруг одни шпионы и соглядатаи, и каждого, кто против решений городского Совета, ждет тюрьма, а то и Лобное Место.

– Значит, мы будем улыбаться, глядя на снос синагоги, – ответила ему Ребекка, – а внутри рыдать, и посыпать голову пеплом.

– Значит, мы будем для всех улыбаться, а внутри рыдать, и посыпать голову пеплом.

– А что мы будем делать потом?

– Потом мы вернемся домой, и разопьем бутылку вина, глядя сначала на необыкновенно кровавый закат, а утром – на необыкновенно счастливый, с примесью, впрочем, все той же алой крови, рассвет.

– А потом займемся любовью?

– А потом займемся любовью.

4

Пилигрим и сам не мог толком сказать, зачем ему надо идти смотреть, как разрушают бывшую синагогу. В этом не было никакого смысла, поскольку сам он не был евреем, и не испытывал к синагоге никаких религиозных чувств. Все, что его связывало с этим историческим зданием, относилось к фильмам, которые он здесь когда-то смотрел. И хотя этих фильмов было несколько сотен, и многие из них произвели на него неизгладимое впечатление, а некоторые вообще перевернули всю его душу, и даже изменили всю его биографию, это еще не означало, что он должен идти под стены почти что поверженной синагоги, и показывать всем, как он ее любит. В конце концов, не было ведь доподлинно известно, кем на самом деле является Ребекка, и не подослана ли она к нему специально как раз для того, чтобы заставить его раскрыть себя, и обнаружить свою любовь к прошлому, которое, как всем казалось, давно уже выжгли у горожан каленым железом. Обнаружить любовь к прошлому было самое страшное, что могло случиться с любым жителем этого города, ибо любовь к прошлому означала неверие в те возможности, которые давал новый прекрасный мир, построенный на обломках старого, нелепого, и ненужного никому мира. Этот новый прекрасный мир давно уже заменил собой все, что было до этого, он сделал всех практически бессмертными, дал им новое счастье, новую веру и новые перспективы, которых раньше не было даже и в помине. И потому так важно было избавляться от всего, что мешало жителям города идти вперед, не таща за собой груз прошлого в виде старых зданий, старой веры, старых иллюзий и старых воспоминаний. И поэтому наблюдать за разрушением синагоги, которая и без этого давно уже использовалась не по назначению, было вдвойне глупо, и, более того, абсурдно. И роль Ребекки во всем этом была по крайней мере странна. С одной стороны, она как будто внесла оживление в давно уже зашедшую в тупик жизнь Пилигрима, заставив его порвать со многими привычками закоренелого холостяка, в том числе и с ненавистной ему резиновой куклой. Однако существовала и другая сторона этой проблемы, когда Ребекка могла оказаться шпионкой, специально подосланной к нему, чтобы заставить его раскрыться в своей любви к безвозвратно ушедшему прошлому. И так уже последнее время в его памяти и в его душе один за одним начали всплывать образы прошлого, он видел отчетливо если и не все фильмы, просмотренные в синагоге, то по крайней мере их отрывки, а также вспоминал о том, как они повлияли на его жизнь.

О, как же блистательно, как же необыкновенно и странно повлияли они на его жизнь! Какая же дверь в прошлое неожиданно открылась для него с этой не до конца еще разрушенной синагогой, и какие же большие опасности и сомнения пришли к нему вместе с ней! Все, все вдруг стало зыбким и расплывчатым: и роль во всем этом Ребекки, и странная, не до конца изжитая связь с прошлым, и сам факт его дальнейшего нахождения на свободе. Надо было собираться, и, как уже было запланировано всем предыдущим ходом вещей, идти вместе с Ребеккой в центр города под вспышки невидимых камер, сопровождаемые тенью соглядатаев, и одновременно делать этого было ни в коем случае нельзя. Конец сомнениям положил телефоны звонок. Приятный голос в трубке попросил Пилигрима оставить сомнения, и вместо ненужных метаний и сборов немедленно отправляться в городскую прокуратуру, где с ним хотели бы побеседовать.

«И, пожалуйста, без вашей пассивности, сделайте это один, ибо нас интересует разговор именно с вами!»

Пилигрим понял, что это начало конца. Собственно говоря, конец начался уже давно, когда он всеми силами сопротивлялся тому новому порядку, который мало – помалу устанавливался в городе. Когда он думал, что его собственный внутренний мир, тщательно ото всех скрываемый, способен сопротивляться натиску нового прекрасного мира, так закружившего

все вокруг, и так все решительно преобразившего. Уже тогда приходили к нему первые звончки в виде реальных звонков и тресков в явно прослушиваемом телефоне, в виде грубой и нелепой работы соглядатаев, ходивших за ним следом целыми толпами, и непрерывно снимающих его своими плохо скрываемыми фотокамерами. Уже давно он понял, что за ним пристально следят, собирая, очевидно, достаточно данных для его ареста, и уже давно он догадывался, что им тайно интересуются. Боже, каким же он был наивным! Боже, каким же он был неосторожным! Впрочем, призывать в свидетели давно уже отринутого всеми Бога было нелепо, и опять же неосторожно. Выхода у него, пожалуй, не оставалось никакого, как действительно встать, и отправиться в прокуратуру, куда его так настойчиво приглашали.

– Надеюсь, что ты не сообщишь им ничего лишнего! – сказала ему на прощание Ребекка.

– Хотелось бы и мне верить в это! – ответил он ей.

Пилигрим не помнил, как он прошел через весь город, и оказался в итоге в здании прокуратуры. Он отлично понимал, что вызов в прокуратуру – это первый звончок, за которым неизбежно последуют и другие, поскольку по такому сценарию уже исчезли многие люди, в том числе и его знакомые, оказавшиеся в лучшем случае в тюрьме, а в худшем – в железной клетке, или на Лобном Месте. Он был во власти всех этих крайне неприятных предчувствий, и не помнил ни того, как он шел по городу, ни того, как очутился перед городским прокурором в его просторном, с большими светлыми окнами, кабинете. Прокурор был мужчиной огромного роста, одетый очень аккуратно, можно даже сказать, с иголки, и этот его рост, а также страшная аккуратность, еще больше заставили волноваться Пилигрима. Все это, несомненно, было неспроста, все это заранее просчитывается ими, думал он, здороваясь с прокурором, и садясь на предложенный ему стул.

– Да вы не волнуйтесь так сильно, – сказал ему прокурор, – это ведь еще не арест, и тем более не помещение в железную клетку на позор и на осмеяние всем остальным. Я уж не говорю про Лобное Место, это последнее прибежище всех негодяев, до которого нам с вами, думаю, еще далеко.

– Да я и не волнуюсь, – ответил ему Пилигрим, – но, знаете, в этом небольшом городе все друг от друга очень близко находится, и прокуратура, и тюрьма, и Лобное Место. Так что невольно задумываешься о связи всего сущего, и о своей личной роли во многих, внешне не приметных, вещах!

– О, да вы, оказывается, еще и философ! – радостно засмеялся прокурор, – это очень похвально, что вы так философски относитесь к жизни, это помогает потом, когда ситуация крайне запутается и обострится, и назад пути больше не будет. Но вы не пугайтесь, ситуация еще вполне сносная, и до тюрьмы, а тем более до Лобного Места, у вас еще есть достаточно времени.

– Так, значит, вы не будете меня сейчас арестовывать? – спросил Пилигрим.

– Помилуйте, – всплеснул руками прокурор, – зачем арестовывать, для чего арестовывать? Мы пригласили вас на беседу, всего лишь на дружескую, и ни к чему не обязывающую ни вас, ни нас беседу, за которой, разумеется, не последует никакого ареста. Это не значит, что в будущем ареста не будет вообще, это я вам гарантировать не могу, ибо от ареста, как вы сами знаете, и от преждевременной смерти, хоть и живем мы все вечно, не застрахован никто. Всякий может сбиться с пути, и пойти не по той дорожке, по которой следует, тут уж, согласитесь, заранее ничего предугадать невозможно. Но для того и существуем мы, то есть прокуратура, чтобы помочь человеку не свернуть с прямого пути на эту скользкую и кривую дорожку, или, по крайней мере, отсрочить это его сворачивание на нее.

– Я стараюсь в жизни ходить по прямым дорогам! – неожиданно сам для себя заявил Пилигрим.

– Да полно, господин Пилигрим, – укоризненно поправил его прокурор, – где вы видели в этом городе прямые дороги? Здесь, батенька, сплошные кривые переулки и тупики, здесь прямых дорог отродясь не бывало!

– Я имею в виду не в прямом смысле, а в переносном, – пояснил свою мысль Пилигрим.

– Прокуратура не оперирует переносными смыслами, – мягко пожурил его прокурор, – прокуратуре подавай прямые, и абсолютно проверенные факты, такие, как донесения осведомителей, данные скрытой фото – и киносъемки, доносы соседей, отчеты любовниц, телефонное прослушивание, перлюстрация писем, и прочее, без чего современному прокурору обойтись невозможно. Так что это вы, господин Пилигрим, можете философствовать, и представлять все вокруг в переносном, и даже метафизическом смысле, а у прокуратуры на эти детские забавы времени, увы, нет!

– Правда? – спросил у него Пилигрим.

– Правда, господин Пилигрим, суцкая правда, и ничего, кроме правды! – Скажите, – неожиданно резко сменил он свой шуточный тон на серьезный, – у вас есть любовница?

– Нет, – ответил слегка сбитый с толку Пилигрим, – то есть да, то есть скорее да, чем нет, то есть я точно не знаю, и поэтому затрудняюсь ответить на этот вопрос.

– А вот я, господин Пилигрим, не затрудняюсь, хоть и не являюсь вами, а являюсь, как можете, видеть, совсем другим человеком. Не затрудняюсь, и поэтому совершенно точно могу утверждать – да, у вас есть любовница, к которой вы необыкновенно привязаны, и которая в настоящее время проживает у вас в доме!

– Она ваша сотрудница? – тихо и безнадежно спросил Пилигрим.

– Не надо видеть везде наших сотрудников, – мягко пожурил его прокурор, – это явная переоценка наших скромных возможностей. Конечно, наши возможности весьма высоки, и прокуратура знает буквально все обо всем, и всегда старается пресекать экстремистские выходки, и вообще любое неправомерное поведение кого бы то ни было. Все это так, и даже во много раз больше, но, смею вас уверить, мы не стремимся залезать буквально в каждую кровать, и заставлять всех строчить друг на друга доносы!

– Значит, Ребекка не писала на меня никакого доноса?

– А ее зовут Ребекка? – приятно удивился прокурор, поднимая вверх большие кустистые брови. – Красивое еврейское имя, и сразу же говорит о возможном круге ваших бесед. Но успокойтесь, она ничего на вас не писала, пока в этом еще не возникла необходимость.

– А вы считаете, что в будущем она может возникнуть?

– Не будем уточнять этот вопрос. Скажите, господин Пилигрим, вы разговаривали с вашей пассией о городской синагоге? Поскольку она еврейка, вы не могли об этом не говорить!

– Разумеется, мы разговаривали с ней о синагоге, об этом весь город разговаривает, да и в газетах написано об этом достаточно!

– И вы, разумеется, оба с ней одобряли снос этого старого религиозного здания?

– Конечно, одобряли, у нас и в мыслях не было этого не одобрять!

– И ваша любовница ни разу не сокрушалась по поводу сноса храма, в котором молились ее родители?

– Ее родители уже не застали этого времени, они ходили в синагогу, как в кинотеатр, молились в ней ее прадеды.

– Пусть так, но она не сокрушалась по поводу сноса этого бывшего храма?

– Ничуть, она его полностью одобряла!

– Хочу предупредить, господин Пилигрим, что все вами здесь сказанное будет тщательно запротоколировано, и вам придется его подписать.

– Разумеется, я подпишусь подо всем, о чем говорю.

– Вот и чудесно, – радостно воскликнул прокурор, в волнении расхаживая по комнате, и потирая от удовольствия свои огромные руки, – один вопрос мы уже обсудили. Оста-

лось несколько мелких и второстепенных вопросов, с которыми мы, думаю, разберемся очень быстро. Кстати, вас не смущают мой большой рост?

– Нет, нисколько.

– И эти мои ручища, похожие на грабли, или на лопаты, вас тоже не приводят в смущение? Многие, знаете – ли, думают, что их сейчас начнут бить этими граблями, и приходят в такой ужас, что начинают молоть всякую чушь, и их приходится отпаивать холодной водой! А мы здесь, в прокуратуре, между прочим, никого не бьем, бьют следователи в тюрьме, а мы всего лишь дружески предостерегаем.

– От чего? – спросил Пилигрим.

– От неправильного поведения, – с готовностью ответил ему прокурор, – а также от неправильных мыслей и разговоров.

– Как вы можете знать, правильные у человека мысли, или неправильные?

– Мы все знаем, господин Пилигрим, и, поверьте, залезть человеку в голову для нас не составляет никакого труда. В вашу голову, по крайней мере, мы залезли уже давно.

– И что же вы там обнаружили?

– Ненужные, и крайне опасные мысли, господин писатель, мысли, а также сомнения!

– Я не писатель, я давно уже ничего не пишу!

– Это оттого, что в городе запрещены ваши книги, и вам не разрешено общаться с детьми.

Вы ведь когда-то были детским писателем?

– Да, я был детским писателем, и писал детские сказки.

– А теперь больше не пишете?

– Помилуйте, зачем же мне их писать дальше, если книги мои изъяли из магазинов и библиотек, а к детям подходить я тоже не имею право? В такой ситуации отпадает всякий смысл что-либо писать, и хочется просто жить, без всякого желания сочинять что-то новое. Так что писателем я был в прошлой жизни, а сейчас просто живу, и давно уже потерял желание сочинять.

– Старые навыки не пропадают, – возразил ему прокурор, – и при благоприятных условиях вы вновь можете почувствовать вкус к сочинительству. Так вот, совершенно официально предупреждаю вас, что этого делать не следует, что это вольнодумство и неверие в прекрасную и чудесную жизнь, существующую за этими окнами, и может кончиться для вас очень плачевно!

– Да, я знаю об этом, – сказал ему Пилигрим.

– Вот и хорошо, что знаете, в таком случае можете считать себя предупрежденным. Надеюсь, что вы и писем неподобающих тоже не пишете?

– Помилуйте, куда же мне их писать, ведь из города теперь нет никакого выхода!

– Да, из города теперь нет никакого выхода, вы правы в этом, и прекрасный чудесный мир построен здесь в единственном числе. Но, знаете, есть все же безумцы, которые по привычке продолжают писать письма. Писать, и, представьте себе, опускать их в почтовые ящики!

– Но ведь почтовые ящики пока что никто не снимал!

– Да для того и не снимают их, чтобы иметь возможность контролировать все эти безумные письма, а потом доставлять их сюда, в городскую прокуратуру. Вы представить себе не можете, как их много, всех этих жалких и нелепых писем, которые приходится читать с утра и до вечера, как будто у меня нет другой работы! Между прочим, я и ваши письма читаю.

– Вот как, значит, вы уже и до писем добрались?

– Мы до всего добрались, господин Пилигрим, в том числе и до ваших писем. Скажите, кому вы их пишете, если заранее известно, что внешнего мира не существует? Что существует лишь наш, единственный, прекрасный и новый мир?

– Я пишу выдуманным адресатам, тем, кого я выдумываю, воображая, что они существуют, и живут за пределами нашего города. Выдуманным друзьям, выдуманным знакомым, выдуманным детям. Выдуманным читателям, выдуманным поклонницам.

– Пишете выдуманным поклонницам, а сами обходитесь резиновой куклой?!

– Потому и обхожусь резиновой куклой, что реальных женщин вы всех давно сделали Прекрасными Дамами!

– Не забывайте, господин Пилигрим, не забывайте, вы сейчас у меня на допросе, и только от меня зависит, чем он закончится. Поэтому не забывайте, и отвечайте на все поставленные вопросы, а также слушайте все, что я вам говорю!

– Простите, не сдержался, больше этого не повторится!

– Вот так-то лучше, вот так-то лучше! И запомните, мы насильно никого ни в кого не превращали, ни женщин в Прекрасных Дам, ни старую религию в религию новую, ни прошлый город в новый и прекрасный город, существующий в единственном числе посреди бесконечного пустого пространства. Все это произошло само собой. Или, точнее сказать, согласно божественной воле, а также стечению обстоятельств, о которых мы не вправе судить!

– Конечно, господин прокурор, мы не вправе о них судить!

– Ну так и не судите, господин Пилигрим, ну так и не судите! – неожиданно закричал на него прокурор. – Не судите, ибо это может окончиться для вас очень плачевно! Считайте, что мы вас предупредили, и вы теперь знаете о тех последствиях, к которым может привести ваши беспечность и вольнодумство! Вы готовы подписаться под стенограммой нашей беседы?

– Да, я готов под ней подписаться! – ответил ему Пилигрим.

После этих слов из соседней комнаты сразу же вышла одетая в школьную форму секретарша с двумя детскими косичками за плечами, и положила на стол перед ним аккуратно отпечатанную стенограмму беседы.

– Подписывайте, – сказал прокурор.

Пилигрим взял перо, и, не читая, аккуратно все подписал.

– Теперь все зависит от вас, – сказал ему прокурор, – если вы сделаете из беседы необходимые выводы, то будете жить дальше, не опасаясь ни за свою свободу, ни за свою жизнь. Ну а если нет, то пеняйте тогда на себя!

– Хорошо, господин прокурор, – ответил ему Пилигрим, – я сделаю выводы из нашей беседы.

На этом визит его в прокуратуру закончился.

5

Разумеется, Пилигрим понимал, что дело вызовом в прокуратуру не ограничится, что за этим последуют какие-то иные действия, и что если уж за него взялись, то взялись всерьез. Он перечислял мысленно все свои прегрешения, и этих прегрешений оказывалось чересчур много. Во-первых, он никогда особо не скрывал, что является тайным врагом. Конечно, слишком явно он этого не показывал, но и маскироваться, как это делали его бывшие друзья, давно арестованные и кончившие свой путь на Лобном Месте, тоже не хотел. Да, в прошлой жизни он был писателем, но теперь, когда все стали бессмертными, в этой его бывшей профессии уже не было надобности. К счастью, у многих еще оставалась память о прошлом, и ее властям до конца вытравить из людей не удалось. Многие помнили о том, кем они были в прошлой жизни, и даже тайно общались между собой, образуя что-то вроде тайных сообществ по интересам. Власть эти сообщества жестоко преследовала, а их членов или отправляла в тюрьму, или сажала в железные клетки, где они со временем умирали, наглядно демонстрируя этим тот факт, что бессмертия все же не существует. Но вслух об этом говорить было нельзя, и на людях, официально, все утверждали, что в новом прекрасном мире, который построен в их городе, все живут вечно, и что смерти здесь больше нет. Здесь отпала нужда в былых профессиях горожан, отпала нужда в былых родственных связях. Все теперь стали равны, и принадлежали в одинаковой мере всем, отказываясь от своей собственной индивидуальности. Женщины теперь стали Прекрасными Дами, и могли провести сегодня ночь с одним мужчиной, а завтра – с другим, и это считалось нормальным, потому что ни семьи, ни жен, ни мужей больше не было. За всем этим зорко следил городской Совет, выборы в который происходили регулярно раз в четыре года, и чисто теоретически членом которого мог стать любой горожанин. В городе, кроме здания городского Совета, находилась тюрьма, храм новой веры, Лобное Место, а также набережная, где и происходило главное общение горожан. Все остальное пространство занимала спальная зона, оставшаяся еще от прежних времен, когда город был открытым, и из него можно было легко уехать. Теперь же, когда город закрылся от внешнего мира, который, впрочем, тут же был объявлен несуществующим, из него невозможно было куда-либо выбраться. Он был окружен с одной стороны морем, а с других – горами, перебраться через которые, согласно официальной точки зрения, было нельзя. Ходили смутные слухи, что некоторым не то смельчакам, не то безумцам, вздумавшим бежать от новой прекрасной жизни, все же удалось пересечь неприступные горы, и то ли спастись, то ли навечно похоронить себя во внешней пустыне. Но все это были слухи, и подлинность их проверить было нельзя. Что же касается лежащего прямо рядом с набережной моря, то оно своим существованием доказывало невозможность бежать из города этим путем. Пилигрим не раз, желая проверить, так это, или не так, подходил к морю, и пытался окунуть в его воды руки, но вода тут же отступала назад, и руки оказывались совершенно сухими. Создавалось такое ощущение, что моря нет вовсе, что оно ненастоящее, то ли нарисованное на некоем холсте каким-то неизвестным художником, то ли вообще существует всего лишь в чьем-то воображении. Возможно, что в воображении самого Пилигрима. А ведь он еще помнил те времена, когда море было живое, и он сначала купался в нем в детстве, а потом, когда окончил учебу в столице, и приехал в город вместе с женой, купался в море уже с ней, заплывая иногда очень далеко от берега, и глядя со стороны на белый красивый город, похожий на картинку из какой-то увлекательной книги. Когда же у них родилась дочь, они ходили на море уже втроем, загораая часами на желтом песке, раскладывая рядом с собой принесенные из дома продукты, а потом опять заходя в чистое и зеленое море, и предаваясь в нем милым семейным забавам. Но потом все это почему-то кончилось. Город закрылся от внешнего мира, который вообще был объявлен несуществующим, море исчезло, и до него теперь вообще нельзя было дотронуться, как нельзя дотронуться до вещи, суще-

ствующей лишь в чьем-то воображении. Осталась лишь набережная, на которой происходили главные городские события, храм, городской Совет, тюрьма, Лобное Место, а также безликий спальный район, в одном из домов которого в данный момент и обитал Пилигрим.

Посещение городской прокуратуры сильно взволновало его. Он знал, что теперь время для него сжалось, что отныне следить за ним будут еще тщательней, чем раньше, и что все это должно кончиться самым настоящим арестом. Возможно, у него еще оставалось в запасе несколько дней, а возможно, что их не осталось вообще. Надо было срочно что-то предпринимать, надо было куда-то бежать, и у кого-то прятаться, но, во-первых, друзей у него уже не осталось, и спрятаться у них он не мог. А, во-вторых, как с утра до вечера твердила официальная пропаганда, обращаясь к гражданам города через газеты, радио и телевизор, а также вещая с амвона храма, убежать из города было нельзя. В такой ситуации, как говорили власти, лучше всего была явка с повинной. По телевизору каждый день показывали людей, которые явились с повинной, и которых за это великодушно простили. Историями этих раскаявшихся грешников пестрели номера ежедневных газет, и Пилигрима просто тошнило, когда он читал душераздирающие истории об их обращении в новую веру. У него – таки мелькнула в голове подлая мысль, что неплохо, возможно, и самому явиться с повинной, покаявшись во всех своих мнимых и явных грехах, и стать наконец-то таким же, как все, добропорядочным и честным во всех отношениях горожанином. То есть посещать без пропусков каждое воскресенье храм, ходить на набережную, подыскивая там себе новую женщину на ночь, участвовать раз в четыре года в выборах городского Совета, посещать с общественной инспекцией городскую тюрьму и с удовольствием смотреть за казнями, совершаемыми на Лобном Месте. А также верить в то, что он отныне бессмертен, и будет жить здесь вечно, потому что жизнь в этом городе – самое лучшее, справедливое и благое, что вообще можно для человека придумать. Надо признаться, что мысль об этом предательстве самого себя и о явке с повинной мелькнула – таки в голове Пилигрима, но он ее тут же отбросил. Ему было не в чем каяться, точнее, каяться бы пришлось в таком огромном количестве грехов, что их ему бы никто не простил. Теперь это стало для него очевидно. Оставался побег в горы с призрачной надеждой на то, что горы все-таки не нарисованы на огромном холсте, и не являются плодом воображения какого-то человека, в том числе и его самого. Бежать надо было немедленно, сию же минуту, взяв с собой самое необходимое, и оставался всего лишь малый вопрос – согласится ли Ребекка бежать вместе с ним?

Впрочем, его сомнения тут же развеялись сами собой. Не успел он вернуться домой, как Ребекка, сразу же оценив ситуацию, заявила, что для них обоих единственным выходом остается только побег.

– Нет сомнения, что тебя через несколько дней арестуют, а вместе с тобой обязательно арестуют и меня. Слишком долго мы с тобой были вместе, не менее двух недель, а по правилам города это строжайше запрещено. Люди не должны привязываться друг к другу, и быть в объятиях один другого больше, чем одну ночь. Они не должны испытывать ничего, кроме сиюминутной страсти, ведь длительное общение может перерасти в привязанность, и даже в любовь. А любовь влечет за собой такие ненужные пережитки, как семья, как дети, как родственные отношения, которые нарушают давно установившуюся гармонию. Мы с тобой уже две недели, и нарушили этим все давно установившиеся правила и табу. За нами наверняка следили все это время, и если мы не скроемся, нас обязательно арестуют.

– Скрыться можно только в горах. Если, конечно, они существуют в действительности, а не нарисованы кем-то на огромной картине.

– Проверить это можно только единственным способом – добраться до гор, и дотронуться до них.

– Тогда собирайся немедленно, мы не останемся здесь больше одной минуты!

– У меня уже все собрано, – сказала Ребекка, и показала ему нагруженную продуктами корзинку.

– Ну что же, – ответил ей Пилигрим, оглядывая последний раз свое старое жилище, – тогда в путь!

Они вышли из дома, и пошли через весь город по направлению к синевшим вдали горам. Возможно, вид двух спешащих куда-то людей, к тому же мужчины и женщины, держащей в руке тяжело нагруженную корзинку, был странным, и немногочисленные прохожие торопливо уступали им дорогу, провожая недоуменными взглядами. Очень скоро город остался позади, и начались бесконечные виноградники, которые в конце концов закончились холмами. На вершине одного из холмов путники решили устроить привал.

– Никогда так много не ходила, – сказала Пилигриму Ребекка. – Мне кажется, что я за год не прошла столько, сколько сегодня.

– В городе особо ходить некуда, – ответил ей Пилигрим, – все пути заранее известны: набережная, храм, городской Совет, Лобное Место, тюрьма. А вечером квартира, в которой ты будешь спать до завтрашнего утра. Все очень близко, и все это можно обойти за пару часов!

Они жевали бутерброды, и смотрели сверху вниз на город, который действительно был очень маленьким, и даже каким-то нереальным, словно нарисованным на картине неизвестным художником.

– В этой долине нельзя до конца понять, что здесь реально, а что нарисовано на картине. Мне иногда кажется, что мы с тобой тоже не существуем в действительности, а всего лишь нарисованы на каком-то пейзаже, – сказала Ребекка.

– Для того, чтобы проверить, реальны мы, или нет, достаточно прислушаться к своим ощущениям, – ответил ей Пилигрим. – Ты только что говорила, что не привыкла так много ходить, и что у тебя страшно болят ноги. Следовательно, ты живая, ибо ноги могут болеть только у реальных людей. Вставай, нам надо идти дальше, мы должны к вечеру добраться до подножия гор.

Они поднялись на ноги, и продолжили путь вверх. Был уже вечер. Оглянувшись назад, Пилигрим увидел далеко внизу освещенный вечерним солнцем город. Отсюда, сверху, хорошо были видны только здание городского Совета, новый, недавно построенный храм, а также синагога, которую никак не могли до конца снести. Была видна небольшая полоска набережной, на которой как раз в это время проходили гуляния, устраивались всевозможные потешные соревнования, а также совершались знакомства, позволяющие мужчинам привести себе на ночь новую женщину. Также было хорошо видно яркое пятно Лобного Места, украшенного по традиции свежими цветами, которые ежедневно в большом количестве привозили из расположенных в пригороде теплиц.

– Если мы вернемся назад, то окончим свой путь на Лобном Месте, – сказал Ребекке Пилигрим.

– В таком случае давай подниматься дальше, – ответила ему она, – мы уже подошли к подножию гор.

Однако быстро наступившая ночь не позволила им это сделать. На небе одна за одной стали зажигаться огромные южные звезды, и двое путников, чтобы не сорваться в какую-нибудь пропасть, были вынуждены сделать привал. Они развели небольшой костер, уселись возле него, и стали подкрепляться тем, что было у них в корзинке. Содержимого, впрочем, было достаточно, чтобы продержаться еще пару дней, а на больший срок никто из них загадывать не хотел. Ночь быстро вступала в свои права, становилось прохладно, но своевременно разведенный костер весело трещал, и будущее казалось им вполне безоблачным и безопасным.

– Расскажи о себе, – попросила его Ребекка.

– Это легче попросить, чем сделать, – ответил ей Пилигрим. – Ты же знаешь, что в этом городе у людей нет будущего. Есть только лишь прекрасное настоящее, в котором все мы счастливы, и которое будет длиться целую вечность. Воспоминания о прошлом, а тем более разговоры о нем, запрещены, и многие искренне верят, что прошлого у них никогда не было.

– А у тебя было прошлое?

– Да, у меня было прошлое, и очень многое из него связано с этим городом. Я ведь родился здесь, ходил в школу, первый раз влюбился, и первый раз уехал в большую и блестящую столицу с надеждой покорить ее, а потом вернулся сюда вместе с женой.

– И вы жили с ней в этом городе?

– Да, и мы жили с ней в этом городе.

– А чем вы занимались?

– Я был писателем, и писал свои бесконечные детские книжки, а она работала в школе учительницей.

– И вы были счастливы?

– Да, и мы были счастливы.

– А потом, что случилось потом?

– А потом у нас родилась дочь, и нашему счастью, казалось, вообще не будет конца.

– И ему действительно не было конца?

– Да. Но потом все как-то странно начало меняться вокруг. Нет, не во мне, и не в моей семье, а в этом городе, который постепенно становился другим. Что-то изменилось и в нем, и в людях, его населяющих, что-то в худшую сторону, чему поначалу я даже не мог дать определения. А может быть, и не хотел давать, полностью поглощенный своим личным счастьем. Но в городе определенно что-то стало меняться к худшему, в нем появилось много пришлых людей, которые стали устанавливать свои особые, отличные от прежних, порядки. Появились какие-то старухи, рыскающие весь день по городским рынкам в поисках дешевой вонючей косточки. Появились завистники, ненавидящие чужое счастье, а также люди, вообще ненавидящие все вокруг, особенно красоту. Да, красоту здесь теперь ненавидели больше всего, особенно красоту в природе и в людях. Стало модным уничтожать вокруг все прекрасное, и именно с этого момента началось уничтожение прекрасных зданий и прекрасных людей. Стало модным писать доносы, доносы на всех, кто в чем-то лучше и прекрасней тебя. Стало модным мучить людей. О, особенно в этом городе стало модным мучить людей! Это, можно сказать, был особый брэнд, особая фишка этого города! Обязательно донести, обязательно свести с ума бесконечной слежкой, а потом непременно замучить, получив от этого неизъяснимое наслаждение! Постепенно все хорошие и красивые люди в городе были замучены, и в нем остались одни лишь ненавистники и уроды. По крайней мере, уроды моральные.

– А ты, что в это время делал ты?

– Я был писателем, и я пытался сопротивляться, но я был один, а вокруг бушевало целое море ненавидящих меня и мое счастье людей. Даже не людей, а неких примитивных существ, которые почему-то сливались для меня в одно лицо моего соседа, дяди Васи, как его звали, тайного доносчика, провокатора и педофила, постоянно торчащего во дворе моего дома перед моими окнами в окружении детей, и с утра до вечера сыпящего дешевыми шутками и прибаутками. О, как же дешево и пошло шутил под моими окнами седовласый и кривоногий дядя Вася, не прочитавший в своей жизни и полутора книг, этими шутками и прибаутками! Как же калечил он души смотрящих ему от восторга в рот несмышленных детей! Как непрерывно кидался он на шарахающихся в испуге прохожих со словами: «Друг! Друг!», и как сообщал непрерывно каждому встречному, что у него застарелый и не поддающийся лечению геморрой. И как все больше и больше становилось в городе таких седовласых и геморройных дядей Васей, и как все чаще и чаще исчезали из города красивые и хорошие люди! Как все чаще стали появляться на экранах телевизора неизвестно откуда взявшиеся проповедники, вроде похожей на отвратительную свинью матушки Слезоточивой, пускающей на голубом глазу свою отвратительную фарисейскую слезу. Как вообще вокруг все стало ненастоящим, фальшивым и фарисейским, таким, каким быть ни в коем случае не должно. Таким, от чего хочется бежать, крича от ужаса, и закрывая голову руками, как будто сверху на нее сыпется дождь из огня и серы.

– И ты бежал отсюда?

– Да, я пытался бежать отсюда, но, к сожалению, было уже поздно. Город закрылся от внешнего мира, и убежать из него было теперь нельзя. Слишком долго откладывал я свой побег, слишком долго жил в коконе своего собственного одиночного счастья, не обращая внимания на дядю Васю, вечно торчащего под моим окном со своими вечными плоскими шуточками, и на жирное рыло матушки Слезоточивой, навсегда, казалось, оккупировавшей экран телевизора.

– Ты говоришь, что тебе не дали бежать?

– Да, мне не дали бежать. Город закрылся, и бежать из него уже было нельзя. А потом они убили мою жену и мою дочь.

– Убили твою жену и твою дочь?

– Да, сначала убили их души, отравив их своим ядом, а потом убили по-настоящему, лишив меня самого дорогого, что было в моей жизни. Какое-то время я еще пытался держаться, пытался писать книги, но все это уже было совершенно никому не нужно. Кроме того, писать книги стало опасно, и я постепенно перестал это делать, стараясь жить так же, как все, и не привлекать к себе слишком большого внимания.

– И ты жил так же, как все?

– Да, и я жил так же, как все, а потом неожиданно встретил тебя, и мы решили бежать из города вместе с тобой. Вот, собственно говоря, и вся история моей жизни. А ты, кто ты такая, расскажи мне о себе?!

– Кто я такая? Я даже не знаю, наверное, простая еврейка, родившаяся в этом городе, и прожившая здесь все тридцать лет своей жизни.

– Ты родилась в этом городе?

– Да, в те времена, когда люди еще рождались и умирали, а не были бессмертными, какими стали сейчас.

– Это бессмертие – фикция, ты же знаешь, что оно не существует.

– По крайней мере, оно существует официально, и, значит, в него приходится верить. Так вот, я родилась когда-то в этом городе, и жила в нем, как и несколько поколений моих предков. Город был необыкновенно веротерпим, в нем были построены храмы всех известных религий, и это давало евреям дополнительную защиту от частых погромов, происходивших в других городах страны. Впрочем, в мое время погромов уже не было, о них лишь рассказывал со слезами на глазах мой дед, каждый день ходивший к городской синагоге, в которой теперь устроили кинотеатр.

– Он каждый день ходил к городской синагоге?

– Да, к синагоге, в которой теперь нельзя было молиться. Дед говорил, что лучше бы были погромы, но в синагогу можно было прийти, и помолиться за души убитых во время этих погромов. Так, говорил он, было бы гораздо лучше для всех правоверных иудеев, вроде него. Но городские храмы к тому времени, как я впервые стала женщиной, были уже закрыты, и в них устроили или клуб, или молочную кухню, или кинотеатр, и деду не оставалось ничего, как ежедневно лить слезы, глядя на гипсовые маски и химеры, украшающие фасад храма его предков.

– А когда ты впервые стала женщиной?

– В шестом классе. Еврейки вообще рано становятся женщинами, и я в этом смысле не была исключением.

– Тебя что, так рано выдали замуж?

– Нет, меня просто изнасиловал учитель по физкультуре в школе, где я училась.

– Он изнасиловал тебя?

– Да, после уроков, оставив якобы для того, чтобы повторить одно не дающееся мне упражнение на канате.

– Тебе было страшно?

– Нет, мне не было ни больно, ни страшно, я просто подумала, что такова, очевидно, судьба всех женщин нашего племени. Если они не погибнут в погромах, или не сгорят в крематориях, то их обязательно изнасилует учитель физкультуры, оставив после уроков для дополнительного занятия.

– Ты так подумала?

– Да, я так подумала, и поняла, что я стала взрослой и умной, и что такой взрослой и умной я останусь теперь на всю жизнь.

– И что было дальше?

– Дальше? Дальше я пришла домой, и рассказала обо всем отцу, а он снял со стены ружье, пошел в школу, и застрелил учителя физкультуры.

– И что с ним стало потом?

– Потом его посадили в тюрьму, на очень большой срок, но он просидел там всего лишь полгода, и умер от какой-то неизвестной болезни. Впрочем, была версия, что его убили за то, что он еврей, но мы с мамой считали, что он все же умер от неизвестной болезни.

– И ты продолжала учиться в школе?

– Да, я продолжала учиться в школе, хотя все вокруг знали, что меня изнасиловали, и каждый день показывали на меня пальцем.

– Это было трудно выносить?

– Ничуть. Я к этому времени давно уже знала, что я взрослая и умная, и что вообще я еврейка, и должна поэтому молча сносить все, что меня окружало.

К моменту окончания школы меня изнасиловали еще дважды: один раз одноклассники, а второй новый учитель физкультуры, пришедший на смену старому, и решивший, что ему следует продолжить славные традиции этой школы. Но все это было в то время в порядке вещей, всех моих одноклассниц к концу школы изнасиловали по несколько раз, и я в этом смысле не была исключением.

– А потом, что было потом?

– Потом я окончила школу, уехала учиться в областной город, и, получив там диплом, вернулась назад, став учительницей литературы в своей бывшей школе.

– Ты вернулась в свою бывшую школу? Но зачем?

– А куда мне было возвращаться? Я вернулась в город, где жили все мои предки, потому что ни в какое другое место вернуться просто не могла. Для еврея очень важно иметь хоть какую-то родину, пусть и чужую, насилующую тебя непрерывно, начиная с шестого класса, и до конца твоих дней. Это гораздо лучше, чем не иметь родины вообще, и скитаться, как перекати-поле, от одной страны – до другой, и от одного города – до другого.

– И долго ты работала учительницей в школе?

– До тех пор, пока город не закрылся от всего остального мира, и я не стала просто Прекрасной Дамой, доступной для каждого, кто встретит меня во время гуляний на набережной. Так что лично для меня в этом городе ничего не изменилось, и меня по-прежнему продолжали насиловать, хоть и прикрывались при этом совсем другими словами.

– Я тебя не насиловал, – сказал Пилигрим.

– Конечно, – ответила Ребекка, – у нас тобой все получилось по обоюдному согласию.

Костер почти догорел. Они сказали друг другу все, что хотели, и ждали только утра, чтобы продолжить свой путь.

6

Они все же заснули, и когда проснулись, солнце стояло уже высоко. Совсем рядом высились горы, а внизу, у моря, окутанный туманной дымкой лежал город, из которого они так поспешно бежали. Он был так прекрасен, что у Пилигрима невольно защемило сердце, когда он смотрел на него сверху.

– Какая красота, – сказала Ребекка, испытывая те же самые чувства, что и Пилигрим. – Просто не верится, что мы вчера впопыхах бежали из этого прекрасного места!

– Ты хочешь вернуться назад? – спросил у нее Пилигрим.

– Не знаю, не уверена до конца, но сейчас, когда смотрю сверху на эту сказку, я уже не чувствую той ненависти и той безысходности, которые испытывала еще недавно.

– И ты уже забыла, как тебя изнасиловали?

– Это было очень давно, и совсем не в той жизни, которая окружает меня сейчас.

– И про набережную ты тоже забыла, на которой тебе каждый вечер приходится прогуливаться в роли Прекрасной Дамы?

– По крайней мере, меня называют Прекрасной Дамой, для тридцатилетней еврейки это не лишнее, в таком возрасте многие из нас уже давно потеряли свою привлекательность.

– А про тюрьму тебе тоже не хочется вспоминать? Не забывай, что если мы вернемся назад, нас сразу же арестуют, и отправят в тюрьму!

– По крайней мере, мы будем сыты, а здесь через несколько дней можем погибнуть от голода.

– Мы с тобой беглецы, и нас теперь ожидает или железная клетка у входа в храм Всех Обретенных Надежд, или Лобное Место, где нас в лучшем случае или четвертуют, или убьют электрическим током. В назидание всем остальным, чтобы не было большого соблазна бежать из города. Пошли, солнце уже высоко, за нами наверняка послали погоню.

Они стали подниматься вверх, проходя мимо огромных валунов, на вершине многих из которых росли искривленные ветром сосны и другие деревья. За целой россыпью валунов начался каменный сад из скал причудливой формы, напоминающих фантастических существ, словно бы вышедших из прочитанных когда-то сказок. Выветренные за миллионы лет скалы, превратившиеся в сказочных великанов, троллей, гномов, рыцарей и заколдованных принцесс, постоянно наклонялись от ветра в одну и в другую сторону, и издавали странные звуки, словно бы предупреждая путников об опасности.

– Мне страшно, – сказала Ребекка, хватаясь за рукав Пилигрима. – Такое ощущение, что все эти сказочные фигуры сейчас оживут, и бросятся на нас за то, что мы нарушили их священный покой.

– На нас скорее набросятся те, кто послан за нами в погоню, – ответил ей Пилигрим. – Пошли, осталось немного, мы уже почти подошли к горам. Если мы пройдем через горы, то будем свободны, а если нет, то нас ожидает позорная смерть!

Они прошли через сад фантастических существ, и стали карабкаться вверх. Однако с каждым шагом делать это становилось все труднее и труднее. Казалось, что какая-то невидимая сила сковывает их движения, и мешает продвигаться вперед. Наконец они уперлись в отвесную скалу, на вершине которой росла гигантская, искривленная ветром сосна. Пилигрим протянул руку, чтобы дотронуться до скалы, но рука его неожиданно прошла сквозь нее, словно через воздух, и погрузилась в пустоту. Скала казалась реальной, ее было прекрасно видно глазами, но как только он пытался дотронуться до серого камня руками, она исчезала, и оказывалась миражом. То же самое происходило и с Ребеккой – она дотрагивалась до скалы, но руки ее проходили через невидимый барьер, и исчезали в пустоте.

– Что это? – спросила она с испугом у Пилигрима.

– Это то, чего я боялся больше всего, – ответил он ей. – Это предел нашего мира, предел лежащего внизу прекрасного белого города, похожего на сказку, который теперь существует сам по себе, отгороженный от всей остальной вселенной. Эта та невидимая стена, та преграда, дальше которой пройти мы не можем. Потому что мы можем только лишь жить в новой прекрасной реальности, где все стали бессмертными, где появилась новая вера и новый храм с висящими у входа в него вымазанными смолой грешниками. Где есть набережная с ее Прекрасными Дамами, городской Совет, тюрьма, и Лобное Место, на котором казнят преступников. Где есть всеобщее счастье, построенное в небольшом прекрасном городе, который отныне существует сам по себе, отгороженный от всех остальных городов земли. Отгороженный вполне реально, ибо мы только что подошли к тому пределу, дальше которого не существует уже ничего. Внутри – существует, а дальше – нет!

– И что же теперь нам делать?

– Думаю, что ничего. Возможно, мы проскитаемся еще какое-то время в горах, а потом нас найдут, и отправят в тюрьму, после чего непременно казнят!

Они целый день карабкались по скалам, пытаясь подняться вверх, к находившимся совсем рядом горам, но руки их неизбежно погружались в пустоту, внутри которой ничего не было, и которая мешала их продвижению вперед. Горы были миражем, красивой картинкой, нарисованной на гигантском холсте неизвестным художником, и пройти через них было нельзя. Они совершенно измучились, руки и ноги их были изранены, одежда во многих местах порвалась, глаза заливал пот, а губы и язык пересохли от жажды. Наконец после нескольких часов непрерывных попыток пройти через горы, они вышли к заброшенному кладбищу.

Кладбище было заброшенным, сюда уже давно никто не приходил, многие памятники заросли травой, а кресты и звезды на них наклонились в стороны, или вообще лежали на земле, сброшенные сюда временем и людьми. Некоторые могилы были разрыты, и тоже поросли сорной травой забвения. Кладбище было большим, оно растянулось в предгорье на несколько километров, и Пилигрим с Ребеккой, стараясь пройти сквозь него, вынужденно бродили по бесконечным аллеям, читая надписи на давно забытых могилах. Здесь лежали те, кто населял город последние несколько сот лет, до того самого момента, когда люди в нем стали бессмертными, и хоронить их было уже не нужно. Вместе с этим отпала нужда в кладбище, на которое теперь мало кто приходил. Во-первых, потому, что уходить из города в сторону гор было очень подозрительно. Такого человека могли элементарно счесть за беглеца, и арестовать, а потом или поместить в железную клетку, или казнить на Лобном Месте. Во-вторых, всеобщий энтузиазм и эйфория счастья, охватившие жителей, заставили многих забыть о похороненных на кладбище предках, и даже близких родственниках. Предки и родственники означали прошлое, а жизнь в городе началась сначала, практически с нуля, и, следовательно, прошлое было уже ненужным. Ребекка и Пилигрим час за часом брели мимо бесконечных рядов могил, скрывающих под своими надгробиями тех, кто когда-то жил, был любим, имел семью, был чьим-то мужем, женой, отцом, матерью, дочерью или сыном, а теперь превратился в ничто. На некоторых могилах они узнавали имена знакомых им когда-то людей, живших с ними на одной улице, в одном доме, или даже в одной квартире. Они еще помнили лица этих людей, в их ушах звучала их речь и их смех, но предательское время, которое, очевидно, все же существовало, превратило все это в прах. В одном месте Ребекка наткнулась на могилу своей матери, и неожиданно вспомнила, что лишь недавно похоронила ее, и еще два или три года назад каждый месяц ездила сюда ухаживать за небольшим цветником, разбитым внутри железной ограды. Она попыталась было поправить могилу, и даже полить засохшие цветы, но воды поблизости не было, а могила производила такое жалкое впечатление, что она лишь расплакалась, и торопливо пошла прочь. В другом месте Пилигрим наткнулся на могилы жены и дочери, которые посещал последний раз всего лишь несколько лет назад. Это были два холмика давно уже осевшей земли, над которыми он хотел поставить надгробия из белого и черного мрамора. Памят-

ник жене должен был сделан из черного мрамора, а дочери – из белого, это было для него принципиально, и он даже заказал их в специальной мастерской, и заплатил за них деньги. Но после этого город неожиданно закрылся, время было объявлено несуществующим, все стали жить вечно, и надобность в родственниках, в том числе и умерших, отпала сама собой. Кладбище за городом очень быстро пришло в упадок, потому что посещать его было нельзя, и те, кто это делал, вскоре исчезали бесследно, а о судьбе их ходили смутные и страшные слухи. Встреча с могилами жены и дочери сильно потрясла Пилигрима. Он, как и Ребекка, не мог находиться рядом с ними слишком долго. Целый рой давно забытых образов, полустершихся воспоминаний, мыслей и чувств, промелькнул в его голове и в его сердце. Если бы Ребекка не потянула его за рукав прочь от дорогих, и так быстро забытых могил, он бы, безусловно, мог грохнуться в обморок. Они торопливо шли прочь от кладбища, спускаясь вниз по направлению к морю, и все никак не могли его покинуть. Наконец кладбище кончилось, они вышли за его ограду, и увидели далеко внизу синюю полосу моря. Недалеко от кладбищенской стены были построены несколько шалашей, и рядом с ними стояли какие-то люди. Их было немного, всего лишь несколько человек, и Пилигрим с Ребеккой пошли по направлению к этим неподвижным фигурам.

Сразу было заметно, что это такие же беглецы, как и они сами, только убежавшие из города уже давно, и успевшие как-то приспособиться к жизни рядом с заброшенным кладбищем. Очевидно, что кладбище, хоть и заброшенное, давало этим беглецам какую-то одежду и какую-то пищу, иначе бы они не стали жить рядом с ним. Впрочем, их шалаши были такие жалкие и ветхие, покрытые сверху каким-то тряпьем, а сами они были так измождены и измучены, что этой пищи и этой одежды не могло быть слишком много.

Из разговора с живущими у кладбища беглецами Пилигрим и Ребекка поняли, что их здесь не очень много, поскольку основная колония беглецов находится внизу, у моря. Там можно было прожить, питаясь моллюсками, и беря воду из сбегавших сверху горных ручьев. Здесь же, у кладбища, оставались только самые отверженные из отверженных. Они разрывали могилы, и снимали с мертвецов одежду, в которой потом и ходили. Кроме того, из города, несмотря на запреты, все-таки иногда приезжали к похороненным родственникам какие-то люди, и оставляли на могилах продукты, а бывало, что и вино. Этими продуктами и питались отверженные, а также птицы, в основном вороны, которых всегда много на кладбищах. Между отверженными и воронами происходили жестокие войны, иногда целые стаи птиц налетали на какого-нибудь изможденного человека, и заклевывали его насмерть. Иногда же люди убивали ворон, и готовили из них отвратительную вонючую похлебку. Жизнь рядом с кладбищем еле теплилась, она была призрачной, здесь каждый, и человек, и птица, находился на грани смерти, которая могла прийти не только от голода. Дело в том, что время от времени из города приезжали на автомобилях отряды милиции, которые прямо на месте расстреливали отверженных, а также тех ворон, которые с криками кружили над местом убийства в чистом и голубом небе. И очень часто трупы людей и птиц лежали неделями рядом друг с другом, пока их не растаскивали в стороны мелкие хищники и другие вороны. Иногда снизу, из основной колонии, в которой жили не такие отверженные люди, кто-то поднимался вверх, и хоронил непогребённых мертвецов. Однако это происходило не часто, потому что кладбище, по общему мнению, считалось проклятым местом, и без особой нужды к нему никто не отваживался приближаться. Ребекка и Пилигрим переночевали в одном из свободных шалашей, хозяева которого были убиты милицией, а утром, попрощавшись с приютившими их людьми, стали спускаться к морю. Делать наверху им было нечего, поскольку бежать этим путем из города они не могли.

7

Спуск вниз от кладбища, находящегося в предгорьях, к берегу моря, где располагалась основная колония беглецов, занял около часа. Никто особо не удивился их появлению здесь, им сразу же показали несколько пещер в отвесных скалах, и сказали, что они могут занимать любую из них. Такими пещерами был изрыт весь берег, и в них было жить намного удобней, чем в шалашах, которые не могли уберечь ни от дождя, ни от непрерывно дующего с гор ветра.

– Когда нагрянет облава, – сказала Пилигриму и Ребекке женщина лет тридцати пяти со свежим шрамом на щеке, похожим на шрам от ножа, – можно укрыться только в пещерах. Ими изрыт весь берег на многие километры в одну и в другую сторону, и у городской милиции не хватает ни времени, ни сил, чтобы обследовать весь этот бесконечный лабиринт запутанных ходов. Кстати, меня зовут Волчица, я получила это прозвище за то, что время от времени делаю вылазки в город, так же, как это делают волки, пробирающиеся по ночам к человеческому жилью в надежде чем-нибудь поживиться, и похищаю там любую еду, которую только можно найти. А также убиваю каждого, кто встанет у меня на пути.

– Этот шрам достался вам тоже после визита в город? – с любопытством спросил у нее Пилигрим.

– Да, – ответила она, – совсем недавно, с тех пор не прошло и двух недель. Во время этой вылазки я потеряла напарника. Не хотите ли в ближайшие дни пойти со мной вместо него?

– Думаю, что в ближайшие несколько лет меня не заманить в город ничем, даже обещанием вечной жизни, которая, впрочем, у нас и так у всех есть.

– Не будьте так наивны! – рассмеялась ему в лицо Волчица. – Эка хватило – несколько лет! Да будет вам известно, что средний срок жизни человека в этой колонии не превышает и года, больше здесь, увы, не живут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.